

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00324776 4

Teternikov, Fedor Kuz'mich
Nebo goluboe

PG

3470

T4N4

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

НЕБО ГОЛУБОЕ

Стихи

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛЮФИЛЬ“
РЕВЕЛЬ.

В. Злотин

НЕБО ГОЛУБОЕ

~~LR
5689414~~

Sologub, Fedor (pseud.)

Федоръ Сологубъ

НЕБО ГОЛУБОЕ

Nebo goluboe
СТИХИ

551799
27.10.52

Издательство „Библиофиль“
Ревель

Городской Совет

PG
3470
T4 N4

СХИМ

221 133
22 10 22

Manufacture Enclosed
Paper

Измоталъ я безумное тѣло,
Расточитель дарованныхъ благъ,
И стою у ночного предѣла,
Изнурень, беззащитень и нагъ,

И прошу я у милаго Бога,
Какъ никто никогда не просилъ:
— Подари мнѣ еще хоть немного
Для земли утомительной силъ!

Quelqu'un

— Огорченья земныя несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато какъ плѣнительны весны!
Какъ прохладны объятія воды!

— Какъ пылаютъ багряныя зори!
Какъ мечтаетъ жасминовый кустъ!
Сколько ласки въ лазоревомъ взорѣ
И въ лобзаніи радостныхъ устъ!

— И еще вождельннѣй лобзанья,
Ароматнѣй жасминныхъ кустовъ
Благодатная сила мечтанья
И пѣвучая нѣга стиховъ.

— У Тебя, милосерднаго Бога,
Много славы, и свѣта, и силъ.
Дай мнѣ жизни земной хоть немного,
Чтобъ я новыя пѣсни сложилъ.

13 юня 1917 г.

УТОМИТЕЛЬНЫЯ ДАЛИ

Мнѣ боги праведные дали,
Сойдя съ лазоревыхъ высотъ,
И утомительныя дали,
И медь укрѣпный дольныхъ сотъ.

Когда въ поляхъ томленье спѣло,
На нивахъ жизни всхожій знакъ,
Мнѣ пѣсню медленную спѣло
Молчанье, сѣющее макъ.

Когда въ цвѣты впивалось жало
Одной изъ медотворныхъ пчель,
Серпомъ горящимъ солнце жало
Созрѣвшіе колосья золь.

Когда же солнце засыпало
На ложѣ облачныхъ углей,
Меня молчанье засыпало
Цвѣтами росными полей,

И вокругъ меня ограды стали,
Прозрачнѣй чистаго стекла,
Но тверже закаленной стали,
И только ночь сквозь нихъ текла,

Пьяна медлительными снами,
Колыша ароматный чадъ.
И ночь, и я, и вмѣстѣ съ нами
Мечтали рои вешнихъ чадъ.

1 іюня 1919 г.

Я люблю весной фіалки
Подъ смѣющейся росой.
Въ глубинѣ зеленой балки
Я люблю итти босой.

Забывая пыль дороги
И лукавыя слова,
Высоко открывши ноги,
Чтобъ ласкала ихъ трава.

Опустившись по ложбинкамъ,
Черезъ рѣчку въ бродъ брести,
Выбираться по тропинкамъ
На далекіе пути,

Гдѣ негаданны и новы,
Какъ завѣтная земля,
И безмолвныя дубровы,
И дремотныя поля.

17 іюня 1914 г.
Тойла. Эстонія.

На свѣтѣ много благоуханной и озаренной
красоты.
Забава дѣвамъ, отрада женамъ — весенне-
бѣлые цвѣты.
Цвѣтовъ весеннихъ милѣе жены, желаннѣй
дѣвы — о нихъ мечты.
Но кто извѣдалъ уклоны жизни до вѣчно-
темной, ночной черты,
Кто видѣлъ руку надъ колыбелью у над-
могильной, нѣмой плиты,
Тому понятно, что въ бѣдномъ сердцѣ
печаль и радость навѣкъ слиты.
Ликуй и смѣйся надъ вѣщей бездной,
всходи безпечно на всѣ мосты,
А эти стоны: — Дышать мнѣ нечѣмъ, я
умираю! — поймешь ли ты?

4 мая 1916 г.

Спокойно и просто
Иду въ неоглядную даль.
У каждаго моста
Ручейно проблещетъ печаль.

Но вѣрную сладость
Позналъ я въ просторѣ дорогъ,
Гдѣ умная радость
Таится въ круженьи тревогъ.

И если морока
Советъ перелетную пыль,
Я съ властью пророка
Подъемлю дорожный костыль.

Всю нечисть земную
Сберетъ ли грохочущій громъ,
Врага зачарую
Моимъ кипариснымъ крестомъ.

22 іюня 1916 г.

Дорожки мокрая бѣгутъ,
Свиваяся по рыжеватымъ травамъ,
И небеса о вѣчности не лгутъ,
Завѣшаны туманомъ ржавымъ.

Глотая мимолетный дымъ
Неторопливаго локомотива,
Поля молчатъ, а мы скользимъ
По неуклоннымъ рельсамъ мимо, мимо.

Какъ безсознателенъ ихъ тусклый сонъ,
Такъ слѣпо и стремленье наше,
Но если цѣли нѣтъ въ дали временъ,
То есть напитокъ въ дивной чашѣ,

Что опрокинута въ творящій мигъ
Надъ милою землею нашей,
Которую самъ Богъ воздвигъ,
Неистошимою любуясь чашей.

1 октября 1916 г.

Улыбались, зеленѣя мило, сосенки
Октябрю и Покрову,
А печальныя березыньки
Весь уборъ сронили въ ржавую траву.

Ахъ. зеленые, веселые безсмертники,
Позавидую ли вамъ?
Развѣ листья-кратколѣтники
Наклонять не слаще къ свѣжимъ мура-
вамъ?

И не слаще-ль вмѣстѣ съ нашей темной
матерью
Умирать и воскресать?
Развѣ сердцу не отраднѣе
О быломъ, о вешнемъ втайнѣ помечтать?

2 октября 1916 г.

Пробѣгаютъ грустныя, но милыя кар-
тины,
Сотни разъ увидѣнный аксаковскій пейзажъ.

Ахъ, на свѣтѣ все изъ той же самой
глины,
И природа здѣсь всегда одна и
та-жъ!

Можетъ быть, скучаетъ сердце въ смѣнѣ
повтореній,
Только что же наша скука? Пусть печалитъ, пусть!

Каждый день кидаетъ солнце сѣти
тѣней,
И на розовомъ закатѣ тишь и
грусть.

Вмѣстѣ съ жизнью всю ея докучность я
пріемлю,
Эти рѣчки и проселки я навѣкъ избралъ,

И ликуетъ сердце, оттого что въ
землю
Солнце вновь вонзилось миллиономъ
жалъ.

5 октября 1916 г.

Какъ ярко возникаетъ день
Въ поляхъ оснѣженныхъ, бѣгущихъ мимо!
Какая зыбкая мелькаетъ тѣнь
Отъ бѣглыхъ, бѣлыхъ ключевъ дыма!

Томившая въ ночномъ бреду
Забыта тягость утомлений,
И память вновь приводитъ череду
Давно не мной придуманныхъ сравнений.

И сколько-бъ на землѣ ни жить,
Но радостно надъ каждымъ утромъ
Все тѣмъ же неизбѣжнымъ перламутромъ
И тою-жъ бирюзою воровать.

Людей встрѣчать такихъ же надо снова,
Какихъ когда-то зналъ Сократъ,
А къ вечеру отъ счастья земного
Упасть въ тоскѣ у тѣхъ же вратъ,

И, такъ же заломивши руки
И грудью жадною вдыхая пыль,
Опять перековать въ ночныя муки
Земную сладостную былъ.

4 февраля 1917 г.

Въ норѣ темно и мглисто,
Нависъ тяжелый сводъ,
А подъ норою чисто
Стремленье горныхъ водъ.

Нору мою оставлю,
Построю крѣпкій домъ,
И не просторъ прославлю,
Не свѣтлый водоемъ,

Прославлю я ограды,
И крѣпость новыхъ стѣнъ,
И мирныя отрады,
И милый сердцу плѣнъ.

Тебя, оградъ строитель,
Прославить надо мнѣ.
Ликующій хранитель,
Живи въ моемъ огнѣ.

Всѣ ночи коротая
Въ сырой моей норѣ
И утромъ насѣкая
Замѣтки на корѣ,

Скитаяся въ пустынь,
Въ пыли дневныхъ дорогъ,
Въ безрадостной гордынь
Я сердцемъ изнемогъ.

Усталъ я. Сердцу больно.
Построить домъ пора.
Скитаній мнѣ довольно!
Прощай, моя нора!

Хочу я новоселья,
Хочу свободныхъ словъ,
Цвѣтовъ, огней, веселья,
Вина, любви, стиховъ!

3 июля 1920 г.

Людская душа -- могила,
Гдѣ сотворившій мирно спить.
Жизнь живую земля покрыла,
Травами, цвѣтами она говоритъ.

Приходи помечтать надъ могилой,
Если самъ не умеръ давно.
Проснется съ несказанною силой
Все, что казалось темно.

И травы приклонятся къ травамъ,
Цвѣты улыбнутся цвѣтамъ,
И вѣтеръ зашепчетъ дубравамъ,
Нивамъ, полямъ и кустамъ.

7 юля 1920 г.

Когда я стану умирать,
Не запоешь ли рядомъ птичка,
И не проснется ли привычка
Въ безсильи силы собирать?

Мой вздохъ послѣдній замедляя,
Не встанетъ ли передо мной
Иная жизнь, иной весной
Меня отъ смерти откликаая?

Не въ первый разъ рожденный, я
Смерть отклоню упрямой волей,
И отойду отъ смертныхъ болей
Еще послушать соловья.

30 іюля 1920 г.

Пройдетъ одинъ, пройдетъ другой,
И перекрестокъ снова пусть,
Лишь взвѣется сухая пыль
Дыханіемъ далекихъ усть,

И надъ пустынною душой
Синѣя, таютъ небеса,
И тучи переносятъ быль
Томленія за тѣ лѣса,

Гдѣ кто-то свѣтлый и благой
Благословляетъ нашу грусть.
Безмолвная душа, не ты-ль
Запомнила все наизусть,

Какъ шель одинъ, какъ шель другой,
И какъ вокругъ обычность вся
Металася, степной ковыль
Медлительнымъ дождемъ рося.

17 ноября 1920 г.

Снова саваны надѣли
Рощи, нивы и луга.
Надоѣли, надоѣли
Эти бѣлые снѣга,

Эта мертвая пустыня,
Эта дремлющая тишь!
Отчего-жъ, душа-рабыня,
Ты на волю не летишь,

Къ буйнымъ волнамъ океана,
Къ шумнымъ стогнамъ городовъ,
На размахъ аэроплана,
Въ громыханье поѣздовъ,

Или, жажду жизни здѣшной
Горькимъ ядомъ утоля,
Въ край невинный, вѣчно-вешній,
Въ Элизійскія поля?

18 февраля 1921 г.

Порозовѣвшая вода
О свѣтлой лепетала кармѣ,
И, какъ вечерняя звѣзда,
Зажегся крестъ на дальнемъ храмѣ,

И вспомнилъ я степной ковыль
И путь Венеры къ горизонту,
И надъ рѣкой туманъ, какъ пыль,
Легко навѣивалъ дремоту,

И просыпалася во мнѣ
Душа умершаго въ Египтѣ,
Чтобы смотрѣть, какъ при лунѣ
Вы, люди нынѣшніе, спите.

Какія косныя тѣла!
И надо ли бояться смерти!
Здѣсь дымъ, и пепель, и зола,
И вчеловѣченные звѣри.

15 мая 1921 г.

УТѢШНЫЯ НОЧИ

Въ прозачной тьмѣ прохладный воздухъ
дышетъ,
Вода кругомъ, но берегъ не далекъ,
Волна челнокъ едва-едва колышетъ,
И тихо зыблетъ легкій поплавокъ.

Я — тотъ, кто рыбу ночью тихо удить
На озерѣ, обласканномъ луной.
Мнѣ дроздъ поетъ. Съ чего распѣлся?
Будить
Его луна? Иль кто-нибудь иной?

Смотрю вокругъ. Какъ весело! Какъ
ясно!
И берегъ, и вода, лунѣ и мнѣ
Все улыбается; и все прекрасно.
Да ужъ и мнѣ не спѣть ли въ тишинѣ?

22 іюня 1914 г.
Тойла. Эстонія.

Призракъ ели съ призракомъ луны
Тихо ткутъ межъ небомъ и землею сны.

Призракъ хаты съ призракомъ рѣки
Чуть мерцающіе зыблютъ огоньки.

А надъ зыбко-ткущимися снами,
И надъ тихо-зыблемыми огоньками,

И надъ призраками бѣдныхъ хатъ
Ночь развертываетъ чародѣйный платъ,

Опрокидываетъ черный щитъ,
И о свѣтѣ незакатномъ ворожить.

1 октября 1916 г.

Какъ незамѣтно подступила
Успокоительница-ночь!
Но гдѣ же всѣ твои свѣтила?
— Я тучею заморозила
Мои свѣтила, — шепчетъ ночь.

Одна ты радоваться хочешь
Тому, что есть, вѣщунья-ночь.
О чемъ же тьмой ты мнѣ пророчишь?
— Еще ты много стрѣлъ отточишь,
Ликуй, но бойся, — шепчетъ ночь.

Зачѣмъ и чѣмъ меня тревожишь
Ты, предвѣщательница-ночь?
Судебъ ты измѣнить не можешь.
— Ты самъ томленія умножишь,
Но не печалься, — шепчетъ ночь.

Ночнымъ вѣщаньямъ чутко внимлю,
И вопрошаю снова ночь:
Какую радость я приѣмлю?
— Свой жезлъ вонзи въ родную землю,
Вновь расцвѣтетъ онъ, — шепчетъ ночь

Мнѣ внятень твой утѣшный шопоть,
Тебѣ я вѣрю, вѣрю, ночь,
Но что же значить дальній топоть?
— Иди спокойно. Что твой ропоть?
Все въ Божьей волѣ, — шепчетъ ночь.

1 октября 1916 г.

Только мы вдвоемъ не спали,
Я и блѣдная луна.
Я былъ темень отъ печали,
А луна была ясна.

И луна, таясь, играя
Сказкой въ зыблемой пыли,
Долго медлила у края
Тьмою дышащей земли.

Но, восторгомъ опьяненный,
Я взметнулъ мою луну
Отъ земли, въ нее влюбленной,
Высоко на крутизну.

Что порочно, что безгрѣшно,
Вмѣстѣ все луна сплела, —
Стала ночь моя утѣшна.
И печаль моя свѣтла.

7 октября 1916 г.

Ты хочешь, дѣвочка-луна,
Идущая съ крутого неба,
Отвѣдать горняго вина
И нашего земного хлѣба.

Одежды золотая сѣть
Пожаромъ розовымъ одѣла
Такъ непривыкшее горѣть
Твое медлительное тѣло.

Вкусивъ таинственную смѣсь
Того, что въ непонятномъ спорѣ
Раздѣлено навѣки здѣсь,
Поешь ты въ благодатномъ хорѣ.

Твой голосъ внятень только мнѣ,
И, опустивъ глаза, я внемлю,
Какъ ты ласкаешь въ тишинѣ
Мечтательною пѣсней землю.

12 августа 1917 г.

И это небо голубое,
И эта выпрeнная тишь!
И кажется, — дитя ночное,
Къ землѣ стремительно летишь,

И радостные взоры клонишь
На безнадежную юдоль,
Гдѣ такъ мучительно застонешь,
Паденья ощутивши боль.

А все-таки стремиться надо,
И въ нетерпѣннiи дрожать.
Не могутъ струи водопада
Свой бѣгъ надъ бездною задержать,

Не можетъ солнце стать незрячимъ,
Не расточать своихъ лучей,
Чтобы, рожденное горячимъ,
Все становиться горячѣй.

Порывъ, стремленье, лихорадка, —
Законъ рожденныхъ солнцемъ силъ.
Пролей же въ землю безъ остатка
Все, что отъ неба получилъ.

6 іюня 1918 г.

Палъ на небо сѣрый пологъ,
Сѣрый пологъ на землѣ.
Путь во мглѣ безмѣрно дологъ,
Дологъ путь въ туманной мглѣ.
Вѣтъ вѣтеръ влажный, нѣжный,
Влажно-нѣжный, мнѣ въ лицо.
Ахъ, вошелъ бы, безмятежный,
На завѣтное крыльцо!

Постоялъ бы у порога,
У порога въ свѣтлый домъ,
Помечталъ бы хоть немного,
Хоть немного подъ окномъ,
И вошелъ бы, осторожный,
Осторожно въ тотъ пріютъ,
Гдѣ съ улыбкой безтревожной
Дѣвы мудрыя живутъ!

20 іюля 1920 г.

Часъ ворожбы и гаданья.
Солнце въ далекой странѣ.
Но не его ли сіянья
На безмятежной лунѣ?

И не его ли очами
Жизнь на землѣ зажжена?
И не о немъ ли ночами
Томно мечтаетъ она?

Въ ясную ночь полнолуныя
Надъ колыханіемъ травъ
Пляшетъ нагая колдунья,
Золото косъ разметавъ.

Панъ ли играетъ на флейтѣ?
Звучно-ль паденіе водъ?
Дѣвушки рѣзвья, рѣйте,
Вейте за ней хороводъ.

Вкругъ одинокой березы
Дикаго духа моля,
Лейте горючія слезы,
Смѣхомъ будите поля.

Тѣло стихіямъ откройте.
Пыль полуночныхъ дорогъ
Росами травными смойте
Съ голыхъ стремительныхъ ногъ.

Вотъ, подъ луною мелькая
Длинной и свѣтлой косою,
Въ бѣломъ покровѣ Иная
Съ вашей сплелась чередой

Словно возникла изъ праха,
Мчится, какъ вихорь легка.
Въ зыбкомъ томленіи страха
Вѣтъ отъ дивной тоска.

Смѣйтесь, и плачьте, и рѣйте,
Вѣйте одна за другой,
Страхъ и тоску одолѣйте
Буйной ночью игрой.

16 ноября 1920 г.

Яро длился милый день,
И склонился подъ плетень.
Тотъ, кто любить жить со мглой.
Проводилъ его хулой.

Страстнымъ пьяная виномъ,
Ночь маячить за окномъ,
Шепчетъ вѣтру: — Помолчи!
Потеряла я ключи. —

Всходитъ томная луна,
Какъ невольница блѣдна,
Шепчетъ вѣтру: — Будетъ срокъ,
Раскуетъ мой братъ замокъ. —

Что же дѣлать ночью мнѣ?
Посидѣть ли на окнѣ,
Помечтать ли о быломъ,
Погодать ли объ иномъ?

Добрый день погасъ давно.
Затворить пора окно,
И тебѣ, хмѣльная мать,
Доброй ночи пожелать.

5 февраля 1921 г.

МИЛАЯ ВОЛГА.

Плыву вдоль волжскихъ береговъ.
Гляжу въ мечтаньяхъ простодушныхъ
На бронзу яркую лѣсовъ,
Осенней прихоти послушныхъ,

И тихо шепчетъ мнѣ мечта:
— Кончая вѣкъ уже недолгій,
Приди въ родимыя мѣста,
И догарай надъ милой Волгой. —

И улыбаюсь я, поэтъ,
Мечтамъ сложившій много пѣсень,
Поэтъ, которому весь свѣтъ
Для пѣснопѣнія сталъ тѣсень.

Скиталець вѣчный, нынѣ здѣсь,
А завтра тамъ, опять бездомный,
Найду ли кровь себѣ и весь,
Гдѣ положу мой посохъ скромный?

21 сентября 1915 г.

Царица Левкой.

Левкой благоухала нѣжно
Подъ стрекотаніе стрекозъ
И улыбалась безмятежно
Дыханію усталыхъ розъ.

И все, что вкругъ нея дышало,
Вкушая сладостный покой,
Хвалою согласною вѣнчало
Благоуханную Левкой.

И ужъ не ты, о роза мая,
Тогда царицею была,
Когда, зарницами пылая,
Съ востока поднималась мгла.

Пускай пылающіе бои
Затмятъ высокую лазурь,
Но въ безмятежности Левкой
Побѣда надъ безумствомъ бурь.

Кукушка кукуетъ.
Забавится сердце примѣтами.
Весна поцѣлуетъ
Устами, едва разогрѣтыми,
Лѣсныя опушки
Цвѣтеньемъ мечты обнесетъ, —
Къ чему же кукушки
Протяжный, медлительный счетъ?

Зарею вечерней
Поетъ соловей, заливається.
Душа суевѣрнѣй.
Свѣтло и отрадно мечтається
Нездѣшняя радость
Наполнила даль бытія.
Къ чему-жъ эта сладость
Въ призывной тоскѣ соловья?

3 іюля 1920 г.

СОНЕТЪ

триолето-октавный.

Нисходитъ милая прохлада,
Въ саду не шелохнется листь,
Просторъ за Волгой нѣжно мглисть.
Нисходитъ милая прохлада

На задремавшій сумракъ сада,
Гдѣ воздухъ сладостно-душисть.

Нисходитъ милая прохлада,
Въ саду не шелохнется листь.

Въ душѣ смиряется досада,
И снова обликъ жизни чистъ,
И вновь душа безопасно рада,
Какъ будто соловьиный свистъ

Звучить въ нерукотворномъ храмѣ,
Побѣдное колебля знамя.

19 іюля 1920 г.

Узнаешь въ туманѣ зыбкомъ
Все, чѣмъ сердце жило прежде,
Возвращаешься къ улыбкамъ
И къ мечтательной надеждѣ.

Кто-то въ мочки пару серегъ,
Улыбаясь, продѣваетъ,
И на милый, свѣтлый берегъ
Тихой пѣсней призываетъ

Посидѣть на кучѣ бревенъ,
Гдѣ тихонько плещутъ волны,
Гдѣ песочный берегъ ровень,
Поглядѣть рыбацьи челны.

Разсказать, чѣмъ сердце жило,
Чѣмъ болѣло и горѣло,
И кого оно любило,
И чего оно хотѣло.

Такъ, мечтаешь хоть недолго
О далекой, объ отцвѣтшей.
Имя сладостное Волга
Сходно съ именемъ ушедшей.

Въ тихій день воспоминанья
Такъ утѣшны эти дали,
Эти блѣдныя мерцанья,
Эти мгlistыя вуали.

Знойно туманится день,
Гарью отъ лѣса несетъ,
Тучи лиловая тѣнь
Тихо вадъ Волгой ползеть.

Знойное буйство, продлись!
Длись, верховный пожаръ!
Чаша земная, курись
Неистощимостью чаръ!

Огненнымъ зноемъ живу,
Пламенной пѣсней горю,
Музыкой слова зову
Я бирюзу къ янтарю.

Тлѣй и алѣй, синева,
Въ буйномъ круженіи вьюгъ!
Я собираю слова,
Какъ изумрудъ и жемчугъ..

1 августа 1920 г.

Туманъ и дождь. Тяжелый караванъ
Лохматыхъ тучъ влачится въ небѣ мгли-
стомъ.

Лѣсною гарью воздухъ горько пьянъ,
И сладость есть въ дыханіи смолистомъ,
И радость есть въ уютѣ прочныхъ стѣнъ,
И есть мечта, цвѣтущая стихами.
Печальный часъ, и ты благословенъ
Любовью, сладкой памятью и снами.

24 іюля 1920 г.

Туманы надъ Волгою милой
Не спорять съ моею мечтой,
И все, что блистая томило,
За мгlistою никнетъ чертой.

Туманы надъ милою Волгой
Въ забвеніи тусклыхъ болотъ
Пророчать мнѣ счастья недолгій,
Но сладостно-ясный полеть.

3 августа 1920 г.

СВИРѢЛЬ

Въ стиль французскихъ бержеретъ

Амуръ — застѣнчивое чадо.
Суровость для него страшна.
Ему свободы сладкой надо.
Откроетъ къ сердцу путь она.

Когда ничто не угрожаетъ,
Какъ онъ играетъ, какъ онъ радъ!
Но чуть заспорь съ нимъ, улетаетъ
И не воротится назадъ.

И какъ ни плачь, и какъ ни смѣйся,
Уже его не приманить.
Не свяжешь снова, какъ ни бейся,
Однажды порванную нить.

Поймите, мιλыя, что надо
Лелѣять нѣжную любовь.
Амуръ — застѣнчивое чадо.
Къ чему нахмуренная бровь?

19 апрѣля 1921 г.

— Бойся, дочка, стрѣль Амура.
Эти стрѣлы жалъ больнѣй.
Онъ увидить, — ходить дура,
Мѣтитъ прямо въ сердце ей.

— Умныхъ дѣвушекъ не тронетъ
Далеко ихъ обойдетъ,
Только глупыхъ въ сѣти гонить,
И къ гибели влечетъ. —

Лиза къ матери прижалась,
Слезы въ три ручья лія,
И краснѣя ей призналась:
— Мама, мама, дура я!

— Утромъ въ роцѣ повстрѣчала
Я крылатаго стрѣлка,
И въ испугѣ побѣжала
Отъ него, какъ лань легка.

— Поздно онъ меня замѣтилъ,
И, ужъ какъ онъ ни летѣлъ,
Въ сердце мнѣ онъ не умѣтилъ
Ни одной изъ острыхъ стрѣлъ,

— И, когда къ моей оградѣ
Прибѣжала я, стена,
Онъ махнулъ крыломъ въ досадѣ,
И умчался отъ меня.

20 апрѣля 1921 г.

За цвѣткомъ цвѣтеть цвѣтокъ
Для чего въ тѣни дубравной?
Видишь, ходитъ пастушокъ.
Онъ въ вѣнкѣ такой забавный.

А зачѣмъ, скажи, лужокъ?
На лужкѣ въ началѣ мая
Ходитъ милый пастушокъ,
Звонко на рожкѣ играя.

Для чего растеть лѣсокъ?
Мы въ лѣску играемъ въ прятки.
Тамъ гуляетъ пастушокъ.
Съ пастушкомъ бесѣды сладки.

А песочный бережокъ?
Онъ для отдыха годится.
Тамъ гуляетъ пастушокъ,
Въ воды свѣтлыя глядится.

А прозрачный ручеекъ?
Хорошо въ ручьѣ купаться.
Близко ходитъ пастушокъ,
Хочетъ милую дождаться.

22 апрѣля 1921 г.

Цвѣтковъ благоуханье,
И птичье щебетанье,
И ручейковъ журчанье,
Все намъ волнуеть кровь,
И сказываетъ сказки
Про радостныя ласки,
Про сладкую любовь.

Прекрасна, какъ цвѣточекъ,
Легка, какъ мотылечекъ,
Иди ко мнѣ въ лѣсочекъ,
Иди ко мнѣ смѣлѣй.
Чего тебѣ бояться?
Не долго улыбаться
Веснѣ въ тѣни вѣтвей.

Поспѣшно мчатся Оры.
И дни, и ночи скоры.
Замолкнутъ птичьи хоры,
Все милое пройдетъ,
Настанетъ часъ истомный,
Увянетъ ландышъ скромный,
Фиалка отцвѣтетъ.

Къ чему терять мгновенья
На ложныя сомнѣнья,
На скуку размышленья?
Цѣлуй меня, цѣлуй!
Любви отдайся нѣжной
И ласкѣ безмятежной
У этихъ звучныхъ струй.

21 апрѣля 1921 г.

Нѣтъ, я тому не вѣрю, что шепчетъ мнѣ
                                Коленъ,
Какъ радостенъ для сердца любовный
                                милый плѣнъ.

Передъ Клименой отчего же
                Клименъ въ слезахъ,
И вѣчно все одно и то же,
                То охъ, то ахъ!

О, нѣтъ, я не повѣрю, какъ ни шепчи
                                Коленъ,
Что сладостенъ для сердца любовный
                                нѣжный плѣнъ.

Тогда зачѣмъ же всѣ моленья
                У милыхъ ногъ,
И столько горести, томленья,
                Тоски, тревогъ?

О, нѣтъ, о, нѣтъ, не вѣрю, какъ ни шепчи
                                Коленъ.
Что для сердець отраденъ любовный
                                хмѣльный плѣнъ!

23 апрѣля 1921 г.

Тирсисъ подъ сѣнью ивъ
Мечтаетъ о Нанеттѣ,
И, голову склонивъ,
Выводитъ на мюзеттѣ:
Любовью я, — тра, та, тамъ, та, — томлюсь,
Къ могилѣ я, — тра, та, тамъ, та, — клонюсь.

И эхо межъ кустовъ,
Внимая воплямъ горя,
Не измѣняетъ словъ,
Напѣвамъ томнымъ вторя:
Любовью я, — тра, та, тамъ, та, — томлюсь,
Къ могилѣ я, — тра, та, тамъ, та, — клонюсь.

И вѣрный песь у ногъ
Чувствителенъ къ напасти,
И вторить, сколько могъ
Усвоить грубой пасти:
Любовью я, — тра, та, тамъ, та, — томлюсь,
Къ могилѣ я — тра, та, тамъ, та, — клонюсь.

Овечки собрались, —
Ахъ, нѣжныя сердечки! —
И вторить принялись,
Какъ могутъ пѣть овечки:
Любовью я, — тра, та, тамъ, та, — томлюсь,
Къ могилѣ я, — тра, та, тамъ, та, — клонюсь.

Едва отъ грусти живъ
Тирсисъ. Гдѣ ты, Нанетта?
Внимайте, кущи ивъ!
Играй, взывай, мюзетта:
Любовью я, — тра, та, тамъ, та, — томлюсь,
Къ могилѣ я, — тра, та, тамъ, та, — клонюсь.

10 июня 1921 г.

Румянымъ утромъ Лиза, весела,
Проснувшись рано, въ лѣсъ одна пошла.

Услышавъ пѣнье пташекъ по кустамъ,
Искала гнѣздъ она и здѣсь, и тамъ,

И что же взоръ прекрасной подстерегъ?
То былъ Амуръ, любви крылатый богъ.

Она дрожить, въ огнѣ жестокомъ кровь,
Лицо горить, и къ сердцу льнетъ любовь.

Корсажъ Амуру сдѣлавши тюрмой,
Она несетъ его къ себѣ домой,

И говоритъ отцу, едва дыша:
-- Смотри, отецъ, какъ птичка хороша!—

Ждала улыбки Лиза отъ отца.
Отецъ ворчитъ: — Узналъ я молодца. —

Амуру крылья въ мигъ обрѣзалъ онъ,
И въ клѣткѣ богъ, попался въ злой
полонъ.

20 апрѣля 1921 г.

Скоро крылья отрастутъ
У плѣннаго Амура,
И фіалки зацвѣтутъ
Въ сладкихъ пѣсняхъ трубадура.

Прутѣевъ клѣтки не разбить
Соловью иль робкой кевкѣ,
Но Амура полонить
Развѣ могутъ эти стѣнки?

Ахъ, придетъ, придетъ весна,
Засмѣются гибко вѣтки,
И, проснувшійся отъ сна,
Улетитъ Амуръ изъ клѣтки.

20 апрѣля 1921 г.

Не пойду я въ лѣсъ гулять одна, —
Тѣнь лѣсная мнѣ теперь страшна.

Наканунѣ повстрѣчалась
Тамъ я съ милымъ пастушкомъ,
Но лишъ только обмѣнялась
Съ нимъ привѣтливымъ словцомъ,
Уже онъ меня лобзаетъ
Въ щеки, въ губы и въ плечо,
И о чемъ-то умоляетъ,
Что-то шепчетъ горячо.

Не пойду я больше въ лѣсъ одна, —
Мнѣ страшна лѣсная тишина.

Поняла, о чемъ онъ стонетъ,
Что стремится онъ найти,
И къ чему онъ рѣчи клонить.
Какъ мнѣ честь мою спасти?
Ужъ смыкаются объятья,
Въ бездну жуткую влача.
Развязался поясъ платья,
Лямка падаетъ съ плеча.

Нѣтъ, ужъ не пойду я въ лѣсъ одна, —
Мнѣ лѣсная тишина страшна.

Такъ бы я совсѣмъ пропала,
Но на счастье мое
Въ томъ лѣсу Фились гуляла.
Мы увидѣли ее,
И въ смущеньи, и въ испугѣ
Онъ умчался, какъ стрѣла.
Побѣжала я къ подругѣ.
— Хорошо, что ты пришла! —

Не пойду впередъ я въ лѣсъ одна, —
Мнѣ страшна лѣсная тишина.

28 апрѣля 1921 г.

Какъ мнѣ съ Коленомъ быть, скажи, скажи
мнѣ, мама.
О прелестяхъ любви онъ шепчетъ мнѣ
упрямо.

Коленъ всегда такой забавный,
Такъ много пѣсенъ знаетъ онъ.
У насъ въ селѣ онъ самый славный,
И знаешь, онъ въ меня влюбленъ,

И про любовь свою онъ шепчетъ мнѣ
упрямо.
Что мнѣ сказать ему, ахъ, посоветуй,
мама!

Меня встрѣчая у опушки,
Онъ поднимаетъ свой рожокъ,
И кукованію кукушки
Онъ вторить, милый пастушокъ.

Онъ про любовь свою все шепчетъ мнѣ
упрямо.
Но что же дѣлать съ нимъ, скажи, скажи
мнѣ, мама.

Онъ говоритъ: „Люби Колена.
Душа влюбленная ясна,
А время таетъ, словно пѣна,
И быстро пролетитъ весна“.

Все про любовь свою онъ шепчетъ мнѣ
упрямо.
Что мнѣ сказать ему, ахъ, посовѣтуй,
мама.

Онъ говоритъ: „Любви утѣхамъ
Пришла пора. Спѣши любить,
И бойся беззаботнымъ смѣхомъ
Мнѣ сердце томное разбить“.

Люблю ли я его, меня онъ спроситъ прямо.
Тогда что дѣлать съ нимъ, скажи, скажи
мнѣ, мама.

24 апрѣля 1921 г.

Не знаютъ дѣти,
Зачѣмъ весна,
Какія сѣти
Плететь она.

И я не знала,
Зачѣмъ весна,
И я срывала
Цвѣты одна.

Но наступила
Моя весна,
И разбудила
Меня отъ сна.

О чемъ, какою, —
Скажи, весна, —
Душа тоскою
Упоена ?

О чемъ мечтаю ?
Скажи, весна.
Въ кого, не знаю,
Я влюблена.

Ручей струится, —
Тобой, весна,
Онъ веселится,
Согрѣтъ до дна.

Иду я въ воды
Къ тебѣ, весна,
И рѣчь природы
Мнѣ вдругъ ясна.

Люблю Филена —
Узнай, весна !
Мои колѣна
Ласкай, волна !

27 апрѣля 1921 г.

Весна сіяла ясно.
Фіалка расцвѣла.
Фились, легка, прекрасна,
Гулять въ поля пришла.

И думаетъ фіалка :
— О дѣва, ты — весна,
И какъ мнѣ, бѣдной, жалко,
Что слишкомъ я скромна!

— Увы, мой вѣнчикъ малый
Что дастъ ея мечтѣ?
Цвѣсти бы розой алой
На пышномъ мнѣ кустѣ.

Она меня взяла бы,
Мой ароматъ вдохнуть,
И я тогда могла бы
Къ ея груди прильнуть. —

Фиалкинымъ мечтаньямъ
Не внемлешь ты, весна.
Инымъ очарованьемъ
Фились упоена.

Мечтаетъ о Филень.
Филень сюда придетъ,
И о любовномъ плѣнѣ
Ей пѣсенку споетъ.

Она ступила бѣлой
И легкою ногой,
Еще не загорѣлой,
На цвѣтикъ полевой.

На травкѣ увядаетъ
Помятый стебелекъ.
Фиалка умираетъ.
Увы! жестокий рокъ!

Любовь неодолима,
Проносится, губя.
Фились проходитъ мимо,
Мечтая и любя.

23 апрѣля 1921 г.

Скупа Фились, но пыль мятежный
Сильвандру надо утолить.
Барановъ тридцать дѣвѣ нѣжной
Онъ далъ, чтобъ поцѣлуй купить.

На утро согласилась рано,
И къ пастушку щедрѣй была, —
Лобзаній тридцать за барана
Пастушка милому дала.

День ото дня Фились нѣжниѣ,
Боится, — пастушокъ уйдетъ.
Барановъ тридцать, не жалѣя,
За поцѣлуй ему даетъ.

Потомъ Фились умнѣй не стала,
И всѣхъ барановъ и собакъ
На поцѣлуи промѣняла,
А онъ цѣлуетъ Лизу такъ.

22 апрѣля 1921 г.

Въ лугу паслись барашки.
Чуть вѣяль вѣтерокъ.
Фились рвала ромашки,
Плела изъ нихъ вѣнокъ.

Сильвандра
Она ждала.
Фились Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела.

А въ рошѣ недалекой
Сильвандръ одинъ гулялъ.
Для Лизы черноокой
Фіалки онъ собиралъ.

Сильвандра
Фились ждала.
Она Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела.

Вдругъ видитъ, — Лиза входитъ
Украдкою въ лѣсокъ.
Ее къ ручью выводитъ
Коварный пастушокъ.

Сильвандра
Фились ждала.
Фились Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела.

Таясь въ кустахъ ревниво,
Увидѣла она,
Какъ Лиза шаловлива,
И какъ она нѣжна.

Сильвандра
Фились ждала.
Она Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела.

Къ травѣ склонившись низко,
И плачетъ и дрожитъ,
Но утѣшенье близко, —
Къ Фились Филень бѣжитъ.

Сильвандра
Она ждала.
Она Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела.

— Фились, къ чему же слезы? —
Ей говоритъ Филень.

— Въ любви не только розы.
Боятся ли измѣнъ? —

Сильвандра
Фились ждала,
Но не Сильвандру,
Филену
Вѣнокъ дала.

Кукушка кукуетъ: разъ, два, три, четыре,
                                пять, шесть, —
Кукуетъ, кукуетъ такъ долго, что Лизѣ
                                не счесть.

Вздумала пастушка
Такъ спросить кукушку:
— Погадай, кукушка,
Сколько лѣтъ пастушку
Будеть другъ любить. —

Кукушка кукукнула разъ, и молчить, и
                                молчить,
А Лиза смѣется: — Такъ что же, хоть
                                годъ! — говорить.

24 апрѣля 1921 г.

— Вижу, дочь, ты нынче лѣтомъ
Отъ Колена безъ ума,
Но подумай-ка объ этомъ,
Что тебѣ сулитъ зима.

— У Амура стрѣлы мѣтки,
Но еще грозитъ бѣда:
Быль же аистъ у сосѣдки,
Не попалъ бы и сюда. —

— Мама, я не унываю.
Чтобы ту бѣду избыть,
Я простое средство знаю:
Надо аиста убить.

— Что же мнѣ тужить о ранѣ!
Какъ она ни тяжела,
У Амура есть въ колчанѣ
И на аиста стрѣла. —

25 апрѣля 1921 г.

Небо рдѣть.
Тихо вѣть
Теплый вѣтерокъ.
Близъ опушки
Безъ пастушки
Милый пастушокъ.

Гдѣ-жъ подружка?
Ахъ, пастушка
Близко, за лѣскомъ,
Вдоль канавки
Въ мягкой травкѣ
Бродить босикомъ,

И овечки
Возлѣ рѣчки
Дремлютъ на лужку.
Знаю, Лиза
Изъ каприза
Не идетъ къ дружку.

Вотъ рѣшился
И спустился
Къ быстрой рѣчкѣ онъ.
Ищетъ тѣни,
По колѣни
Въ струи погружень.

Еле дышетъ
Лиза, — слышитъ
Звучный лепетъ струй.
Другъ подкрался,
И раздался
Нѣжный поцѣлуй.

Славить радость,
Ласки сладость,
Гдѣ найду слова?
До заката
Вся измята
Мягкая трава.

20 апрѣля 1921 г.

Соловей
Средь вѣтвей
Для подружки трели мечеть,
И ручей
Межь камней
Ворожить, журчить, лепечеть.

Не до сна!
Ахъ! весна
И любовь такъ сладко ранятъ.
Тишина
И луна
Лизу въ рощу къ другу манятъ.

Мама спить, —
И спѣшить
Лиза выскочить въ окошко,
И бѣжить,
И шуршить,
И шуршить пескомъ дорожка.

У ручья
Соловья
Слушай, милому внимая.
— Жизнь моя! —
— Я — твоя! —
О, любовь въ началѣ мая!

Ахъ, лягушки по дорожкѣ
Скачутъ, вытянувши ножки.
Какъ пастушкѣ съ ними быть?
Какъ бѣжать подъ влажной мглою,
Чтобы голою ногою
На лягушку не ступить?

Хоть лягушки ей не жалко, —
Вѣдь лягушка — не Фіалка, —
Но, услышавъ скользкій хрустъ
И упавъ неосторожно,
Расцарапать руки можно
О песокъ или о кустъ.

Сердце милую торопить,
И въ мечтахъ боязни топить,
И впередъ ее влечетъ.
Пусть лягушки по дорожкѣ
Скачутъ, вытянувши ножки, —
Милый другъ у рѣчки ждетъ.

25 апрѣля 1921 г.

Не дождь алмазный выпалъ,
То радугу разсыпалъ
Веселый Май въ росу.
Вдыхая воздухъ чистый,
Я по травѣ росистой
Мечты мои несу.

Я не съ высокихъ башенъ.
Моимъ ногамъ не страшень
Твой холодокъ, роса.
Не нужны мнѣ рубины, —
Фиалками долины
Осыпана коса.

Не пышные, простые,
Цвѣточки полевые,
Но всѣ они въ росѣ,
Какъ брилліанты, блещутъ,
Сіяютъ и трепещутъ
Въ густой моей косѣ.

28 апрѣля 1921 г.

Солнце въ тучу сѣло, —
Завтра будетъ дождь,
Но пойду я смѣло
Подъ навѣсы рощъ.

Стану для забавы
У сѣдой ольхи,
Гдѣ посуше травы
И помягче мхи.

Хорошо, что дождикъ
Вымочить весь лугъ, —
Раньше или позже
Къ рощѣ выдетъ другъ

29 апрѣля 1921 г.

Солнце отъ востока
Зажигаетъ въ росахъ
Травныхъ огоньки.
Другъ мой одиноко,
Опершись на посохъ,
Дремлетъ у рѣки.

Въ утренней прохладѣ
Мягко тонуть звуки
Бѣга моего.
Побѣгу я сзади,
Положу я руки
На глаза его,

И ему шепну я
На ухо: — Не мѣшкой,
Угадай, кто я! —
Руки мнѣ цѣлуя,
Скажетъ онъ съ усмѣшкой:
— Ты — Фились моя! —

28 апрѣля 1921 г.

Дождикъ, дождикъ, перестань,
По вѣтвямъ не барабань,
Отъ меня не засти свѣта.
Надо мнѣ бѣжать лѣскомъ,
Повидаться съ пастушкомъ,
Я же такъ легко одѣта.

Пробѣжать бы мнѣ лѣсокъ, —
Близко ходитъ мой дружокъ,
Слышу я, — кричитъ барашекъ.
Ужъ давно дружокъ мой ждетъ,
И меня онъ проведетъ
Обсушиться въ свой шалашикъ.

И тогда ужъ, дождикъ, лей,
Лей, дождинокъ не жалѣй, —
Посидѣть я съ милымъ рада.
Съ милымъ рай и въ шалашѣ.
Свѣжій хлѣбъ, вода въ ковшѣ, —
Такъ чего же больше надо!

29 апрѣля 1921 г.

Погляди на незабудки,
Милый другъ, и не забудь
Нѣжной пѣсни, звучной дудки,
Вздоховъ, намъ тѣснившихъ грудь.

Не забудь, какъ безмятежно
Улыбался намъ Апрѣль,
Какъ зарей запѣла нѣжно
Первый разъ твоя свирѣль.

Не забудь о сказкахъ новыхъ,
Что нашептывалъ намъ Май,
И отъ устъ моихъ вишневыхъ
Алыхъ устъ не отнимай,

И, когда на дно оврага
Убѣжишь отъ зноя ты,
Гдѣ накопленная влага
Поить травы и цвѣты,

Тамъ зашепчутъ незабудки:
— Не забудь ея любви! —
Ты тростникъ для новой дудки,
Подзывать меня, сорви.

27 апрѣля 1921 г.

Посмотри, какіе башмачки!
Какъ удобно въ нихъ ходить и ловко!
Высоки и тонки каблучки!
Развѣ же не славная обновка?

Чтобъ совсѣмъ была нарядна я
И тебѣ понравилась, дружочекъ,
Набери цвѣточковъ у ручья,
Подари мнѣ свѣженькій вѣночекъ.

А когда журчащій ручеекъ
Передъ нами на дорогу прянетъ,
Башмачки сниму я, а вѣнокъ
Сохраню, пока онъ не завянетъ.

30 апрѣля 1921 г.

Лизу милый другъ спросилъ:
— Лиза, не было-ль оплошки?
Не сеньоръ ли проходилъ
По песочной той дорожкѣ?
Не сеньоръ ли подарилъ
И цѣпочку, и сережки? —

Говорить она: — Коленъ!
Мой ревнивецъ, какъ не стыдно!
Отдала я сердце въ плѣнъ,
Да ошиблася я, видно.
Ты приносишь мнѣ въ замѣнъ
То, что слышать мнѣ обидно.

— Ревность друга побѣдить
Знаю я простое средство.
Ужъ скажу я, такъ и быть:
Старой бабушки наслѣдство
Не даетъ мнѣ мать носить.
Это, видишь ли, кокетство.

— И надѣла я тайкомъ
И цѣпочку, и сережки,
Чтобъ съ тобой, моимъ дружкой,
По песочной той дорожкѣ
Тихимъ, теплымъ вечеркомъ
Прогуляться безъ оплошки.

— Не люблю сеньоровъ я,
Ихъ подарковъ мнѣ не надо.
Рвать цвѣточки у ручья,
Днемъ пасти отцово стадо,
Ночью слушать соловья, —
Вотъ и вся моя отрада.

— На твоихъ кудряхъ вѣнокъ,
У тебя сіяютъ взоры,
Твой плѣнительный рожокъ
Будить въ рощахъ птичьи хоры,
Я люблю тебя, дружокъ, —
Такъ на что мнѣ всѣ сеньоры!

25 апрѣля 1921 г.

За кустами шорохъ слышенъ.
Вышелъ на берегъ сеньоръ.
Губы Лизы краше вишенъ,
Дня свѣтлѣе Лизинъ взоръ.

Поклонилась Лиза низко,
И, потупившись, молчить,
А сеньоръ подходитъ близко,
И пастушкѣ говорить :

— Вижу я, стоитъ здѣсь лодка
Ты умѣешь ли гребсти ?
Можешь въ лодочкѣ, красotka,
Ты меня перевезти ? —

— Съ позволенья вашей чести,
Я гребсти обучена. —
И въ ладью сядятъ вмѣстѣ,
Онъ къ рулю, къ веслу она.

— Хороша, скажу безъ лести.
Какъ зовутъ тебя, мой свѣтъ ? —
— Съ позволенья вашей чести,
Имя мнѣ — Елизабетъ. —

— Имя славное, безъ лести.
Кѣмъ же взято сердце въ плѣнь? —
— Съ позволенья вашей чести,
Милый мой -- пастухъ Коленъ. —

— Гдѣ же онъ? Ушелъ къ невѣстѣ?
Знать ему ты не нужна. —
— Съ позволенья вашей чести,
Я — Коленова жена. —

Стукнулъ онъ о дно ботфортомъ.
Слышно звяканіе шпоръ.
Наклонившись надъ бортомъ,
Призадумался сеньоръ.

— Съ позволенья вашей чести,
Я осмѣлюся спросить,
Мы причалимъ въ этомъ мѣстѣ,
Или дальше надо плыть? —

— Погулять съ тобой пріятно,
Но ужъ вижу, — ты вѣрна,
Такъ вези-жъ меня обратно
Ты, Коленова жена. —

И, прощаяся, лобзаетъ
Лизу прямо въ губы онъ,
И, смѣясь, опускаетъ
За ея корсажъ дублонъ.

НЕБО ГОЛУБОЕ.

Измоталь я безумное тѣло 5

Утомительныя дали:

Мнѣ боги праведныя дали	9
Я люблю весной фіалки	10
На свѣтъ много благоуханной	11
Спокойно и просто	12
Дорожки мокрая бѣгутъ	13
Улыбались, зеленѣя	14
Пробѣгаютъ грустныя	15
Какъ ярко возникаетъ день	16
На все твое ликующее лѣто	17
Въ норѣ темно и мглисто	18
Людская душа	20
Когда я стану умирать	21
Пройдетъ одинъ	22
Снова саваны надѣли	23
Порозовѣвшая вода	24

Утѣшныя ночи:

Въ прозрачной тьмѣ	27
Призракъ ели	28
Какъ незамѣтно подступила	29
Только мы вдвоемъ не спали	30
Ты хочешь, дѣвочка-луна	31
И это небо голубое	32
Паль на небо	33
Часъ ворожбы	34
Яро длился милый день	36

Милая Волга:

Плыву вдоль волжскихъ береговъ	39
Царица Левкой	40
Кукушка кукуетъ	41
Сонетъ триолето-октавный	42

Узнаешь въ туманѣ	43
Энойно туманится день	44
Туманъ и дождь	45
Туманы надъ Волгою	46

С в и р ѣ л ь :

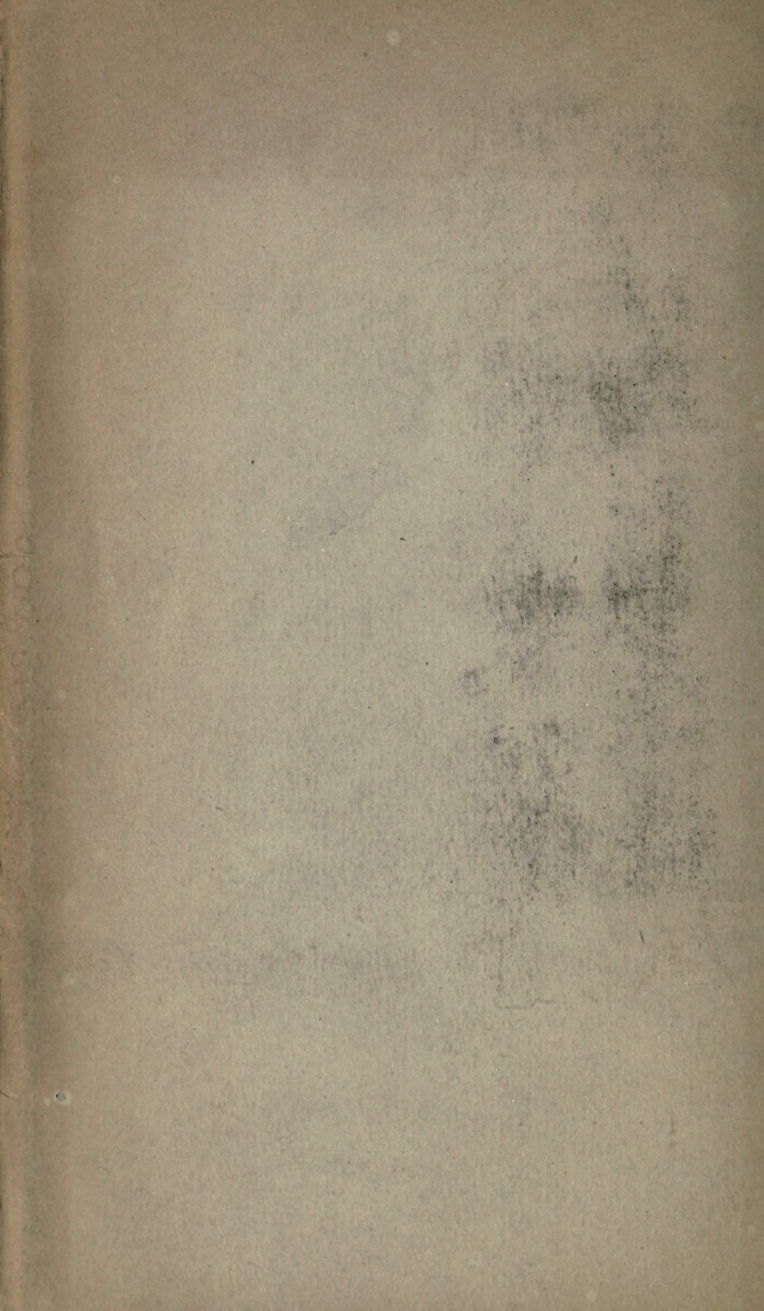
Амуръ — застѣнчивое чадо	49
Бойся, дочка, стрѣль Амура	50
За цвѣткомъ цвѣтеть цвѣтокъ	51
Цвѣтковъ благоуханье	52
Нѣтъ, я тому не вѣрю	53
Тирсисъ подъ сѣнью ивь	54
Румянымъ утромъ Лиза	56
Скоро крылья отрастутъ	57
Не пойду я въ лѣсъ	58
Какъ мнѣ съ Коленомъ быть	60
Не знаютъ дѣти	62
Весна сіяла ясно	64
Скупа Фились	66
Въ лугу паслись барашки	67
Въ лѣсъ пришла пастушка	69
Вижу, дочь, ты нынче лѣтомъ	71
Небо рдѣетъ	72
Соловей — средь вѣтвей —	74
Ахъ, лягушки по дорожкѣ	75
Не дождь алмазный выпаль	76
Солнце въ тучу сѣло	77
Солнце отъ востока	78
Дождикъ, дождикъ, перестань	79
Погляди на незабудки	80
Посмотри, какіе башмачки	81
Лизу милый другъ спросилъ	82
За кустами шорохъ	84

Право перевода на иностранные языки сохраняется за авторомъ. — Copyright 1921 by „Bibliophile“ Ltd., Reval (Estonia).

Тип. Акц. О-ва „Варракъ“, въ Юрьевъ.

1941
3

PG
3470
T4N4

Teternikov, Fedor Kuz'mich
Nebo goluboe

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
